

Информация для цитирования:

Черкасов В. А. Локк — Вольтер — Руссо : философский генезис комедии Грибоедова «Горе от ума» / В. А. Черкасов, В. В. Демичева, О. И. Еременко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 323—342. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-323-342.

Cherkasov, V. A., Demicheva, V. V., Eremenko, O. I. (2025). Locke, Voltaire, Rousseau: Philosophical Genesis of Griboedov's Comedy "Woe from Wit". Nauchnyi dialog, 14 (5): 323-342. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-323-342. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Локк — Вольтер — Руссо:
философский генезис
комедии Грибоедова
«Горе от ума»**

Черкасов Валерий Анатольевич

orcid.org/0000-0001-9581-1487

доктор филологических наук, доцент,
кафедра теории, педагогики
и методики начального образования
и изобразительного искусства,
корреспондирующий автор
cherkasov.valeri@mail.ru

Демичева Вера Владимировна

orcid.org/0009-0009-5572-5790

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории, педагогики
и методики начального образования
и изобразительного искусства
Demicheva@bsuedu.ru

Еременко Ольга Ивановна

orcid.org/0009-0007-6306-0018

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории, педагогики и методики
начального образования
и изобразительного искусства
Eremenko@bsuedu.ru

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
(Белгород, Россия)

**Locke, Voltaire, Rousseau:
Philosophical Genesis
of Griboedov's Comedy
“Woe from Wit”**

Valery A. Cherkasov

orcid.org/0000-0001-9581-1487

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Theory, Pedagogy
and Methodology of Primary
Education and Fine Arts,
corresponding author
cherkasov.valeri@mail.ru

Vera V. Demicheva

orcid.org/0009-0009-5572-5790

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theory, Pedagogy
and Methodology of Primary
Education and Fine Arts
Demicheva@bsuedu.ru

Olga I. Eremenko

orcid.org/0009-0007-6306-0018

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theory, Pedagogy and
Methodology of Primary
Education and fine arts
Eremenko@bsuedu.ru

Belgorod State National
Research University
(Belgorod, Russia)

© Черкасов В. А., Демичева В. В., Еременко О. И., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье существенно расширена историко-философская перспектива взглядов Грибоедова на природу человеческого ума. Конкретизированы и обоснованы различия в позициях автора комедии «Горя от ума» и ее протагониста Чацкого в вопросе толерантности к мнению других людей как критерию человеческого ума. Источники скрытых цитат в тексте Грибоедова выявлены с помощью метода «медленного прочтения» таких философских и литературных произведений XVII—XVIII веков, как трактат Джона Локка «Опыт о человеческом разуме», «Философские письма» Вольтера, роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или новая Элоиза». В результате применения интертекстуального метода, прояснены идейные установки Грибоедова как автора «Горя от ума» в контексте не только европейской литературы и философии XVII — первой четверти XIX веков, но и общественно-политической обстановки в стране накануне декабрьского восстания. Авторы статьи приходят к выводу, что Грибоедов критикует художественными средствами руссоистский склад ума Чацкого за его субъективную ограниченность, незнание реальных людей и жизненных обстоятельств, агрессивность, опасную для общества («горе» в финале комедии испытывает не только Чацкий), своего рода юношеский максимализм, иначе говоря, за нетерпимость к чужому мнению. Утверждается, что катастрофическая развязка комедии отражает пессимистические воззрения драматурга на интеллектуальное развитие российского образованного общества.

Ключевые слова:

А. Грибоедов, комедия *Горе от ума*, Дж. Локк, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, роман *Юлия, или новая Элоиза*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article significantly expands the historical and philosophical perspective on Griboedov's views regarding the nature of human intellect. It delineates and substantiates the differences between the positions of the author of the comedy “Woe from Wit” and its protagonist Chatsky concerning tolerance for differing opinions as a criterion of human intellect. Sources of hidden quotations within Griboedov's text are identified through a method of “slow reading” of philosophical and literary works from the 17th and 18th centuries, such as John Locke's treatise “An Essay Concerning Human Understanding,” Voltaire's “Philosophical Letters,” and Jean-Jacques Rousseau's novel “Julie, or the New Eloise.” By employing an intertextual approach, the article clarifies Griboedov's ideological premises as the author of “Woe from Wit” within the broader context of European literature and philosophy from the 17th century to the early 19th century, as well as the socio-political climate in Russia on the eve of the December uprising. The authors conclude that Griboedov critiques, through artistic means, the Rousseau-inspired mindset of Chatsky, characterized by subjective limitations, ignorance of real people and life circumstances, aggressiveness detrimental to society (the “woe” experienced at the end of the comedy is not solely that of Chatsky), and a form of youthful maximalism — essentially, intolerance for opposing viewpoints. It is asserted that the catastrophic resolution of the comedy reflects the playwright's pessimistic outlook on the intellectual development of the Russian educated society.

Key words:

A. Griboedov; comedy *Woe from Wit*; John Locke; Voltaire; Jean-Jacques Rousseau; novel *Julie, or the New Eloise*.

УДК 821.161.1Грибоедов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-323-342

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Локк — Вольтер — Руссо: философский генезис комедии Грибоедова «Горе от ума»

© Черкасов В. А., Демичева В. В., Еременко О. И., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность темы статьи обусловлена большим интересом в современном научном сообществе к плюралистическим, мультикультурным методам и подходам при рассмотрении идейной стороны комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». К рассмотрению поднимаемой в произведении проблемы человеческого ума применяется не только традиционный историко-литературный и образно-мотивный методы [Фуксон, 2003; Лебедев 2013; Кошелев 2020], но и лингвистический [Аблогина, 2011], социокультурный [Нечаев, 2016], театроведческий подходы [Штайн и др., 2018]. Канадский славист Д. Клейтон применил статистический метод, продемонстрировав высокую частотность употребления в комедии Грибоедова слова *ум* и доказав таким образом релевантность этого понятия для ее идейного мира [Clayton, 1987]. Предлагаемый в настоящем исследовании историко-философский подход к рассмотрению содержательной стороны «Горя от ума» соответствует отмеченному тренду в современном грибоедоведении. Данный подход проявился в начале 1990-х годов в работах А. Л. Моторина [Моторин, 1993] и С. П. Ильёва [Ильёв 1994], которые расширили представления современного читателя о философском мировоззрении драматурга, о его глубоких интересах и знаниях в области истории философии, далеко отойдя, таким образом, от доминировавшего до сих пор в отечественном грибоедоведении «декабристского» дискурса при изучении идейного мира «Горя от ума». Однако вопрос о философском генезисе «Горя от ума» был впервые поставлен в монографии С. И. Данелии «О философии Грибоедова», первое издание которой датируется 1931 годом.

Моторин и Ильёв сосредоточились исключительно на рассмотрении взглядов французских философов-просветителей, увидев в них непосредственный источник концептуальных представлений Грибоедова о природе человеческого ума. Такое сознательное ограничение предмета исследо-

вания было обусловлено прежде всего теми историко-литературными задачами, которые ставили перед собой исследователи в рамках выбранной ими темы. Сознательная аннигиляция историко-философской перспективы со стороны Моторина и Ильёва привела не только к хронологическому ограничению философской перспективы «Горя от ума», но и к некоторой абстрактности выводов о генезисе той или иной идейной установки драматурга, не подкрепленных конкретными результатами интертекстуального анализа текстов-доноров (произведений французских философов-просветителей) и текста-реципиента («Горе от ума»). Интертекстуальная методология в данном случае была бы более чем уместна, если принять во внимание писательский статус французских авторов и во многом беллетризованный характер тех принадлежащих им текстов, которыми вдохновлялся Грибоедов. В настоящей работе мы намереваемся, во-первых, существенно расширить намеченную в монографии Даниели историко-философскую перспективу взглядов Грибоедова на природу человеческого ума, во-вторых, посредством интертекстуального подхода конкретизировать и обосновать различие философских взглядов Грибоедова как автора «Горя от ума» и Чацкого как протагониста этой комедии, которое в указанных исследованиях было выражено декларативно.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Даниели строит свои рассуждения вокруг затронутой в комедии Грибоедова проблемы человеческого ума. Он обоснованно возводит якобы аналитический ум Чацкого к представлениям французских просветителей XVII—XVIII веков, не дифференцируя при этом взгляды отдельных философов: «...ум Чацкого, представленный пьесой Грибоедова, совпадает с тем понятием об уме, которое имели Просветители XVII—XVIII века. Сами фактически обладая преимущественно умом различающим, анализирующим, феноменализирующим, механизмирующим, но отнюдь не творческим, синтезирующим и организующим, просветители и теоретически пытались доказать, что ум есть только аналитическая функция» [Даниели, 1940, с. 42]. Из общего контекста рассуждений Даниели становится ясно, однако, что имеется в виду прежде всего учение Жан-Жака Руссо. Именно к нему исследователь возводит противопоставление простого народа и образованного общества, которое сделал Чацкий в нравственном плане не в пользу последнего. При этом Даниели считает возможным провести аналогию между взглядами на эту, генетически руссоистскую, проблему между Чацким и его создателем, отметив подобным образом построенное рассуждение в статье Грибоедова «Загородная поездка»: «...представление о русском образованном обществе, выраженное в произведении Грибое-

дова, находится в отношении логического противоречия или логического отрицания к представлению о русском народе, предполагаемому этим же произведением. В статье своей “Загородная поездка”, служащей, по верному замечанию Пыпина, хорошим комментарием к “Горю от ума”, Грибоедов, как бы следуя за Руссо, который испорченной французской аристократии противопоставлял народ, не развращенный культурой и живущий инстинктами, сам отмечает “резкую противоположность нравов” русского народа и русского образованного общества, и этим косвенно подтверждается предположение, что и в представлении пьесы Грибоедова народная масса и образованное общество находятся в отношении логического противоречия» [Данелиа, 1940, с. 16]. По мнению Данелиа, и чаемое Чацким (и Грибоедовым) пресловутое «премудрое незнание иноземцев» так же восходит к учению Руссо: «С другой же стороны, тот же Чацкий, как бы следуя по стопам великого женева, воспевавшего дифирамбы персам и скифам за их “hereuse ignorance”, сам прославляет “премудрое незнание иноземцев”» [Там же, с. 20].

Согласно концепции Данелиа, конкретное разложение нравственности в образованном обществе, произошедшее под влиянием ума, под которым понимается в том числе просвещение, та же образованность, можно наблюдать на примере отчуждения Фамусова от своей дочери: «Ум ведь разложил естественную связь родства между Фамусовым и Софьей: Фамусов чужд своей дочери, не чувствует ее, не постигает. Из действительного отца он превратился лишь в отца лишь мнимого, призрачного, отца не по существу, а по форме, который заботится не столько о том, чтобы дочери его было действительно хорошо, сколько о том, чтобы выполнить общественным приличием установленные отцовские обязанности» [Там же, с. 29—30]. В примечании к этому рассуждению ученый раскрывает его руссоистский подтекст, якобы аутентичный замыслу Грибоедова: «В этом пункте, как и во многих иных, Грибоедов как бы следует за Руссо, давшим критику современной ему семьи у образованных общественных классов. Ср. Emile, 1. I., p. 27» [Там же, с. 30].

Конструктивное значение для темы настоящей статьи имеют выводы и наблюдения Л. В. Моторина, которые он обнародовал в статье «Эволюция художественного миропонимания в творчестве А. С. Грибоедова» [Моторин, 1993]. Во-первых, ученый акцентировал внимание читателя на фактах из биографии Грибоедова, свидетельствующих о серьезном интересе драматурга не только к истории философии, но и к ее современному развитию. Отсюда он сделал релевантный для нашей концепции вывод о необходимости философского подхода к изучению содержательной стороны творчества Грибоедова. Во-вторых, Моторин отдал должное новаторскому подходу Да-

нелиа, благодаря которому открывается перспектива для трактовки «Горя от ума» в плане «сентиментального, руссоистского идеала» [Моторин, 1993, с. 24]. В-третьих, Моторин сделал существенное наблюдение об «увлечении» [Моторин, 1993, с. 26] Грибоедова в период создания «Горя от ума» взглядами Вольтера и, более того, о допущенном им сознательном «сближении» своей авторской позиции в «Горе от ума» с позицией французского философа, выраженной тем в дружественной переписке с Вовенаргом.

В работе С. П. Ильёва «“Ум” и “горе” в комедии Грибоедова» [Ильёв, 1994] существенным представляется акцент на толерантности к мировоззрению окружающих людей как на критерии человеческого ума. При этом исследователь ссылается на учение французского философа-просветителя Гельвеция как на первоисточник истинных представлений Грибоедова об уме Чацкого: «...умный человек непременно выбирает общество единомышленников, поскольку ум „есть струна, звучащая только в унисон”. И „если умный человек станет расточать свой ум в различных кругах людей, он будет считаться то сумасшедшим, то мудрым, то приятным, то тупым, то остроумным”. Поэтому в просвещенном человеке предполагается знание человеческого ума и снисходительное отношение к посредственным людям: „Умный человек знает, что люди таковы, какими они должны быть, что всякая ненависть к ним несправедлива...; и если посредственный человек кажется ему глупым, то сам он кажется тому сумасшедшим”» [Ильёв, 1994, с. 53]. Очевидно, что отсюда следует, по словам Ильёва, «посредственность и пошлость» [Там же] ума Чацкого, который, как известно, не отличался «снисходительным отношением» к мнениям своих слушателей и собеседников и, как следствие, прослыл в их кругу сумасшедшим.

Таким образом, упомянутые исследователи указали на релевантность философской перспективы для понимания идейного замысла автора «Горя от ума», указав на учения Жан-Жака Руссо, Вольтера и Гельвеция как на возможный первоисточник его взглядов на природу человеческого «ума». Однако их наблюдения и выводы нуждаются в дальнейшей разработке как в плане поиска первоисточника соответствующих представлений о толерантности как существенном критерии человеческого ума, так и в плане расширения представлений об интертекстуальных связях между текстореципиентом («Горе от ума») и текстами-донорами, до сих пор не рассматривавшимися в качестве таковых в научной литературе («Философские письма» Вольтера, «Юлия, или новая Элоиза» Руссо).

При написании настоящей работы были использованы историко-литературный, сравнительно-исторический и историко-философский подходы. Существенное значение в исследовании имеет также интертекстуальный метод, способствовавший прояснению идейных особенностей «Горе от

ума» в контексте европейской литературы и философии XVII — первой четверти XIX веков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Представление о человеческом уме в освещении Вольтера, Локка и Руссо

Как было отмечено выше, в работе Ильёва, о толерантности как о существенном критерии человеческого ума размышлял такой видный представитель французского Просвещения, как Гельвеций. Однако следует заметить, что эта тема занимала значительное место также и в трудах Вольтера, соратника и друга указанного французского философа.

Например, в характерной концовке «Письма тринадцатого. О г-не Локке», вошедшего в состав «Философских писем», Вольтер относит к числу характерологических свойств мыслящего человека как раз толерантность: «Разделим человеческий род на двадцать частей. Девятнадцать из них будут составлять те, кто живет трудом своих рук и кому никогда не придет в голову, что на свете жил некий г-н Локк; и как же мало в оставшейся двадцатой части людей, привыкших читать! А среди тех, кто читает, на двадцать человек, зачитывающихся романами, приходится всего один, шгудирующий философию; число же тех, кто мыслит, вообще крайне невелико, и людям этим не приходит в голову блажь сотрясать мир. Ни Монтень, ни Локк, ни Бейль, ни Спиноза, ни Гоббс, ни милорд Шефтсбери, ни г-н Коллинз, ни г-н Толанд и т. д. не зажгли факела раздора в своем отечестве; большей частью такими людьми оказывались теологи; они питают честолюбивые чаяния главарей сект, но кончается это обычно тем, что они стремятся стать во главе партий. Да что там говорить! Все книги новейших философов, вместе взятые, никогда не устроят в мире такого шума, какой вызвал некогда один лишь диспут францисканцев по поводу фасона их рукавов и капюшона» [Вольтер, 1988, с. 114—115]. Важно подчеркнуть в данном рассуждении Вольтера, во-первых, повторяющееся количественное противопоставление нечитающего / немслящего большинства читающему / мыслящему меньшинству в пропорции 20:1; во-вторых, травестирование диспутов францисканцев по поводу формы их одежды, в основе которых лежала не только необходимость регламентации в условиях существования среди других католических орденов, но и понимание ее глубокого символического значения [Мулен, 2002] и стремление к «подражанию» св. Франциску [Задворный]. Вольтер рессимволизирует монашеское одеяние, сводит его смысл к обычной моде.

Однако и Вольтер не был первооткрывателем в рассматриваемом вопросе о толерантности как критерии для человеческого ума. Собственно

говоря, в указанном «Письме о г-не Локке» он сам указывает на учение английского философа как на первоисточник своих рассуждений о толерантности. В приведенном фрагменте этого «Письма...» противопоставление философов, к числу которых относится и Локк, и теологов по принципу толерантность / нетерпимость является заключением лейтмотивного рассуждения о религиозной толерантности, по словам Вольтера, «мудрой и непритязательной философии Локка», которая «вовсе не противоречит религии и, наоборот, помогает ей доказательством, если религия в этом нуждается» [Вольтер, 1988, с. 114].

Таким образом, есть основание обратиться к учению Джона Локка, который считается одним из наиболее влиятельных философов либерализма, в поисках первоисточника идеи о толерантности как критерии человеческого ума. Локк посвятил проблеме ума свою главную книгу «Опыт о человеческом разуме» (1690). В главе «О степенях согласия» содержится следующее рассуждение философа о недостоверности субъективных мнений и о вытекающей отсюда необходимости принимать в расчет точку зрения другого: «Так как [...] большинство людей, если не все, неизбежно придерживаются различных *мнений*, не имея достоверных и несомненных доказательств их истинности, — а отходить и отказываться от своих прежних убеждений тотчас же после того, как представят довод, на который нельзя немедленно возразить и показать его недостаточность, — значит навлекать на себя слишком тяжкие обвинения в невежестве, легкомыслии или глупости, — то мне кажется, *при различии мнений* всем людям следовало бы соблюдать *мир* и выполнять общий долг человечности и *дружелюбия*» [Локк, 1985, т. 2, с. 139]. Далее Локк утверждает, что люди всегда предпочитают доверять своему собственному «рассуждению (Reason)», а не «слепо подчиняться воле и диктату других лиц» [Локк, 1985, т. 2, с. 139]. Отсюда следует необходимость относиться с уважением к мнению других людей, которые могут знать даже больше, чем обращающийся к ним с увещанием либо поучением субъект, представляющий другую точку зрения (и не более того!), а не истину в последней инстанции. По Локку, идеальным поведением для субъекта высказывания является внимательное слушание и вникание в дискурс собеседника, исходящее из понимания ограниченности и ничтожности своего собственного дискурса [Локк, 1985, т. 2, с. 139—140].

Таким образом, согласно Локку, очень часто люди не могут отказаться от своих мнений, даже если видят их ошибочность, из боязни оказаться в смешном положении. Как следствие, они настаивают на своем субъективном мнении, сталкиваясь с мнением, часто прямо противоположным и столь же субъективным. По Локку, возникающая конфликтность проис-

текает из психологической невозможности для человека признать ограниченность своих умственных способностей. Признаком умного человека является следование голосу разума, диктующего необходимость признать сущностную ограниченность человеческого ума и проистекающую отсюда толерантность к мнению своего оппонента как норму для поведения.

В середине XVIII века возникло новое философское направление, составившее антитезу либерализма [Рассел, 1997, с. 557]. Его основатель Ж.-Ж. Руссо считал главным в умном человеке не разум, а «чувствительность», то есть способность следовать голосу естественных страстей. Это положение особенно ярко раскрывается в прославившем Руссо романе «Юлия, или новая Элоиза» (1761). Его главный герой Сен-Пре, пользующийся несомненной авторской симпатией, характеризуя своего друга лорда Бомстона, считает ум («здоровое» рассуждение) следствием чувства и впечатления, а не рациональных знаний: «<...> об изящных искусствах он <Бомстон> говорил очень здраво, но сдержанно и скромно. Я нашел, что он судит о них, скорее основываясь на чувствах, нежели на познаниях, на впечатлении, а не на правилах, — это убедило меня, что он наделен чувствительной душой» [Руссо, 1961, т. 2, с. 94]. И Юлия, возлюбленная Сен-Пре, и Клара, наперсница Юлии, согласны в своей оценке протагониста как натуры чрезвычайно впечатлительной, страстной и эмоциональной. В XLIX письме части I Юлия, пытаясь успокоить Сен-Пре в его чувстве внезапно вспыхнувшей ревности, говорит ему об этом качестве характера очень искренно и откровенно: «У тебя слишком увлекающаяся натура, и ты не можешь быть осмотрительным; пожалуй, тебе легче одолеть свои страсти, чем утаить их. От пустячного повода к тревоге ты приходишь в неистовство, от пустячного проблеска надежды ты забываешь о всех сомнениях!» [Руссо, 1961, т. 2, с. 104].

В рассматриваемом романе Руссо отчетливо выделяется и существенный мотив безумия из-за любви к женщине. К такому поведению Сен-Пре обязывает уже его имя, в буквальном переводе на русский язык означающее «Святой Рыцарь». Воплощая именно такое понятие «безумия», он пытается выразить свое чувство любви к Юлии. «То, что ты заставляешь меня испытывать, — пишет он возлюбленной, — близко к иступлению, и я боюсь, что в конце концов сойду с ума» [Руссо, 1961, т. 2, с. 86]. Кроме того, в романе Руссо содержится и важнейший для темы настоящей статьи мотив женской мести посредством клеветы. Когда Сен-Пре посещал парижский свет, он, не будучи в состоянии думать о чем-либо другом, кроме Юлии, невнимательно отнесся к разговору с некой госпожой Белон, отвечая на ее вопросы невольно. «Поэтому она, — сообщает герой своей корреспондентке, — отнеслась ко мне весьма пренебрежительно. А потом всем и каждому говорила <...>

что у меня нет здравого смысла, и хуже того, — ни капли остроумия, что я глуп, как мои книги» [Руссо, 1961, т. 2, с. 78].

Таким образом, согласно учению Руссо о человеческом уме, представленному в романе «Юлия, или новая Элоиза», толерантность отнюдь не является его критерием. Скорее наоборот, умный человек не может не находиться в состоянии конфликта с окружающим его обществом. Недаром в письме Клары к Юлии (ч. I, LVI) выражается обоснованное опасение с точки зрения здравого смысла относительно потенциального конфликта между отцом последней и Сен-Пре как носителями противоположных мировоззренческих и жизненных позиций: «Бог знает, что может случиться при столкновении разгневанного старого вояки, помешанного на семейной чести <т. е. отца Юлии>, и дерзкого, запальчивого молодого человека, не способного сносить обиды» [Руссо, 1961, т. 2, с. 117]. Согласно учению Руссо, нормы традиционной морали, законы человеческого общежития становятся невыносимым бременем для индивида, даже могут послужить причиной его трагической гибели, как это произошло с Юлией. Ее случайная гибель символизирует жертвенность добродетели, подчинившейся требованиям общества.

Не ограничиваясь проповедью, Руссо жил по принципам своего учения [Мелихов, 2013]. В каком бы обществе писатель ни находился, он вел себя предельно независимо, прямо высказывал свои мысли, чем часто шокировал присутствующих. У него появились многочисленные враги. Вольтер считал его «злым сумасшедшим» [Рассел, 1997, с. 637]. Руссо умудрился ополчить против себя даже своих друзей-просветителей. В конце концов, он должен был бежать за границу, где, впрочем, также не мог обрести покой. Дело осложнилось действительной психической болезнью философа — манией преследования.

По мнению Б. Рассела, последователем Руссо считается Байрон: «... благородные пираты Байрона являются прямым следствием учения Руссо...» [Рассел, 1997, с. 643]. Некоторые мотивы биографии и творчества английского поэта проливают дополнительный свет на учение Руссо и поэтому достойны хотя бы беглого упоминания. В самом деле, жизнь Байрона сильно напоминает жизнь Руссо: тот же конфликт с обществом на идеологической почве, тот же слух о сумасшествии и вынужденный отъезд за границу. По замечанию Б. Рассела, «то, что он <Байрон> говорит о Руссо, применимо к нему самому:

Руссо — апостол скорби, обаянье

Вложивший в страсть, безумец, что обрек

Терзаниям себя (выделено нами. — В. Ч., В. Д., О. Е.), *но из страданья*
Власть красноречья дивного извлек [Рассел, 1997, с. 690].

Таким образом, согласно Байрону, для личности и творчества Руссо характерно противоречивое сочетание «красноречия», предполагающего незаурядный ум, и «скорби», «страдания», добровольных духовных «терзаний», которые можно допустить только находясь в состоянии «безумия». Для Байрона последнее и является необходимым условием для «истинного» словесного творчества, захватывающего широкие круги читательской аудитории. По Байрону, «безумие», в котором пребывал Руссо добровольно, не только не отрицает его ум, но и придает созданным им творениям статус гениальных. Отсюда становится понятным возможное стремление Байрона к подражанию своему кумиру.

3.2. К вопросу о толерантности как о критерии человеческого ума в комедии Грибоедова «Горе от ума»

В сохранившихся текстах Грибоедова имя Локка ни разу не упоминается прямо. Однако в письме к П. А. Вяземскому от 11 июля 1824 года драматург ярко выразил свое отношение к личности и творчеству его последователя и популяризатора Вольтера в связи с исполнением главной роли И. Сосницким в пьесе А. Шаховского «Ты и Вы, Вольтерово послание, или Шестьдесят лет антракта». В этом письме между прочим Грибоедов иронизирует над стремлением Шаховского к «прозаическому сходству» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 74] в изображении престарелого Вольтера, в том числе — к передаче его «самодовольствия», «что он первый познакомил французов с англичанами» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 74], то есть прежде всего с учением Локка. Сам Грибоедов довольно высоко оценивал личность и деятельность Вольтера, выделяя в них такие явно симпатичные для него черты, как пассионарность («решительно действовал на умы современников, вел их, куда хотел» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 74]); активное противодействие суеверию и обману (« всю жизнь провел в борьбе с суеверием — богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах» [Там же]). Как показано выше, Вольтер опирался в своей «борьбе с суеверием», в частности «богословским», на учение Локка. Таким образом, Грибоедов не только косвенно указал на свое знакомство с последним, по крайней мере, в переложении Вольтера, но и подтвердил свое представление о его субстанциальном статусе.

В комментариях к «Полному собранию сочинений» Грибоедова зафиксировано очень раннее знакомство писателя с романом Руссо «Юлия, или новая Элоиза». Еще в 1809 году Грибоедов опубликовал свою «Оду на поединки», которая является, по словам С. Фомичева, «поэтической интерпретацией» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 514] одного из писем из указанного романа. Как показал М. Строганов, в письме Грибоедова к А. Рыхлевскому от 25 июня 1820 года содержится реминисценция притчи о Диогене в трак-

товке Руссо: «А в письме Рыхлевскому, написанном 25 июня, Грибоедов намекает на историю о Диогене, который „днем с огнем” искал человека и не мог найти его среди людей: „В последнем письме вашем, которому я обязан превеселыми минутами, вы у Поля в клубе людей искали. Перед кем потушили фонарь? Скажите искренно. Или ваш поиск намерены перенести в Петербург?”. Возможно, что Грибоедов следовал здесь не просто за притчей о Диогене, но — более — за его трактовкой у Руссо в „Рассуждении о происхождении неравенства”: „...причина, по которой Диоген никак не мог найти человека, заключена в том, что он искал среди современников человека времен уже минувших”. Но если Руссо видел идеал человека в прошлом, то Грибоедов видел его в современности, сравнивая „век нынешний и век минувший”» [Строганов, 1994, с. 58]. Мы считаем, что иронию Грибоедова по поводу поисков идеального, то есть прежде всего умного человека в тифлисском трактире или в Петербурге можно трактовать и как тотальное отрицание их успешности, в прошлом или в современности. Но здесь важно подчеркнуть ярко выраженный иронический контекст, в котором упоминается учение Руссо об идеальном человеке. Во всяком случае, очевидно, что Грибоедов к этому времени давно перерос свое ученическое отношение к декларациям Руссо, выраженное в «Оде на поединки».

Перейдем к рассмотрению проблемы человеческого ума в комедии Грибоедова «Горе от ума» в свете темы настоящего исследования. Эта проблема является одной из главных в произведении Грибоедова и лежит в основе как любовного, так и общественного конфликта произведения. Сам драматург в письме к Катенину от января 1825 года, которое является «основой грибоедовского понимания пьесы» [Тынянов, 1969, с. 348], следующим образом объясняет сюжет («план») «Горя...»: «Ты находишь главную погрешность в плане — мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка, сама неглупая, предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих...» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 87]. Чацкий назван единственным «здравомыслящим», то есть умным персонажем среди других героев пьесы (исключая Софию). Здесь же Грибоедов обозначает существенное качество ума протагониста, — непримиримость с окружающим обществом. То есть, по Грибоедову, умный человек не собирается скрывать свои мысли и не намеревается молчать, если задето его самолюбие.

Однако уже современник Грибоедова, такой тонкий критик, как А. Пушкин, отказал Чацкому в уме, признав за ним только некоторые ду-

шевные достоинства. По его словам, «первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.» [Пушкин, 1981, с. 164]. Для Пушкина далеко не очевидна столь твердо выраженная Грибоедовым конфликтность как *sine qua* существования ума. Высказывание своей точки зрения перед неподготовленной аудиторией может привести к комическому результату.

При всей краткости пушкинской оценки ума, можно заметить ее родственность позиции Локка и Вольтера: у всех них центр тяжести переносится с утверждения абсолютной истины *par excellence* на понимание относительности ее восприятия. Противостояния мнений, во всяком случае, не должно существовать.

По наблюдению В. А. Кошелева, кроме Пушкина, критически оценивали ум Чацкого также такие «первоочитатели» «Горя от ума», как М. А. Дмитриев, Н. И. Надеждин, П. А. Вяземский, В. Г. Белинский [Кошелев, 2020, с. 143—144]. По обоснованному мнению Кошелева, все они не приняли ум Чацкого за его потенциально высокую конфликтность в общении с окружающими людьми: «...все названные современники не приняли “дурацкого ума” Чацкого именно потому, что этот ум неуместен в совместном бытовании со всеми прочими, обыкновенными людьми. Для героя Грибоедова оказывается “недействителен” тот общежительный принцип, который приняли для себя многие неглупые современники автора» [Кошелев, 2020, с. 144].

Как было отмечено выше, впервые Данелиа обратил внимание на реминисценции таких руссоистских идей в монологах Чацкого, как акцентирование нравственности простого народа в ущерб образованному обществу, а также «премудрое незнание иноземцев». Данелиа считал, что Чацкий в данном случае выступал простым резонером задушевных мыслей Грибоедова. Он обосновал свое мнение указанием на аналогичные идеи, зафиксированные в статье Грибоедова «Загородная поездка», написанной в период создания «Горя от ума». К наблюдениям Данелиа о руссоистском подтексте некоторых рассуждений Чацкого можно добавить замечание Моторина о «проявлении сентиментального руссоизма» в последнем монологе героя, в котором якобы содержится признание «поражения своего ума и значимость чувственного начала: “Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!...”» [Моторин, 1993, с. 25]. Ю. Лебедев убедительно характеризует руссоистский подтекст в поведении Софии [Лебедев, 2013, с. 6].

Парадоксальное название комедии Грибоедова содержится в приведенной выше байроновской характеристике Руссо: *...безумец, что обрек / Терзаниям себя...* О сходстве Чацкого с последним говорит первый оценочный эпитет, вложенный автором в уста Лизы:

*Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!* [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 23]

И протагонист при своем появлении вполне подтверждает свое амплу «руссоистского героя», вплоть до того, что выше ума ставит страсть, чувство любви:

*Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою — вы, вам угожденье?..* [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 63].

Сам конфликт между Фамусовым и Чацким, фамусовским обществом и Чацким в зародыше содержится в приведенном выше письме Клары к Юлии (ч. I, LVI) о потенциальном столкновении отца адресата и Сен-Пре. Между прочим, здесь же приведена емкая и очень точная характеристика людей типа Сен-Пре и Чацкого в плане их толерантности: «...дерзкий, запальчивый молодой человек, не способный сносить обиды» [Руссо, 1961, т. 2, с. 117]. Как было показано выше, в романе Руссо «Юлия, или новая Элоиза» содержится и важнейший, сюжетообразующий для «Горя...» мотив женской мести посредством клеветы. Этот мотив подробно рассмотрел Ю. Тынянов в статье «Сюжет “Горя от ума”». Он же обратил внимание на тесную связь между мотивами сумасшествия Чацкого и любви к женщине [Тынянов, 1969, с. 354], мотивами, которые были отмечены выше в романе Руссо по поводу поведения Сен-Пре в отношении своей возлюбленной. Правда, ученый возвел этот паттерн к эпохе рыцарской средневековой культуры, обозначив таким образом общий архетип для взаимоотношений между Чацким и Софией, Сен-Пре и Юлией: «В рыцарский кодекс любви к даме в куртуазную рыцарскую эпоху входит безумная любовь, безумие из-за дамы, — таково безумие неистового Роланда из-за Анжелики, таково безумие Дон Кихота из-за Дульцинеи» [Тынянов, 1969, с. 353].

И. Гончаров, доказывая ум Чацкого, прибегает как раз к аргументации в духе Руссо, когда чувство становится неизменным атрибутом умного человека, заслоняя собой все прочие качества под именем «развитости»: «Но Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умнее. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом — это человек не только умный, но и развитой, с чувством, или, как рекомендует его горничная Лиза, он “чувствителен, весел, и остер”. <...> Чацкий, как личность, несравненно выше и умнее

Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века. Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век — и в этом все его значение и весь “ум”» [Гончаров 1981, с. 64]. Этот удивительный период, где ум, инъецированный изрядной долей таких понятий, как «сердце», «честность», «развитость», «чувство», «искренность», «общественная активность», превращается в свою тень, очерченную кавычками. Если бы ум Чацкого был другого склада, например, такого, каким он предстает в описании Локка или Вольтера, Грибоедов не мог бы так уверенно писать («разумеется») о неизбежности конфликта между героем и обществом. Естественно, в сюжете такого рода герой должен быть уверенным в своем умственном превосходстве над окружающими и не хотеть скрывать этой своей уверенности. Как заметил Кошелев, «...эти остроты (Чацкого. — В. Ч., В. Д., О. Е.) про ближних имеют ту цель, что человек, рассыпающий эти остроты, должен почитаться сам лишенным осмеиваемых недостатков...» [Кошелев, 2020, с. 141]. Ученый абсолютизировал авторскую оценку ума Чацкого «немножко повыше прочих» [Там же]. Однако, на наш взгляд, настоящее понимание Грибоедовым ума Чацкого может быть раскрыто только с помощью целостного анализа текста пьесы.

И. Медведева обоснованно указала на сознательное «осмешнение высокого и трогательного» [Медведева, 1974, с. 63] в образе Чацкого со стороны Грибоедова. При этом она, вслед за Пушкиным, опирается в своих суждениях на неудачное коммуницирование Чацкого с Фамусовым, Софией, Молчалиным [Медведева, 1974, с. 63—64]. С содержательной стороны монолог Чацкого о «Французике из Бордо» исследовательница оценивает в высоком, трагическом плане: «Не замечая, что София равнодушна к его состоянию и меньше всего расположена выслушивать политические и общественные сатиры, Чацкий во время танцев на незначительный насмешливый вопрос ее: *Что вас так гневит?* — раздражается своим скорбным монологом, из которого ясно, что *мильон терзаний* связан не только с обманутыми надеждами на любовь, но и с потерей веры в возрождение русского общества, казалось бы, неизбежное после Отечественной войны» [Медведева, 1974, с. 63—64].

Между тем, как показал Ю. Лебедев, автор подчеркивает ремаркой, что монолог Чацкого о «Французике из Бордо» не желает слушать не только София, но и гости Фамусова [Лебедев, 2013, с. 5—6]: «Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам» [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 97]. Потребовалось отойти от Чацкого, чтобы тот заметил происходящее у него, так сказать, под носом.

Грибоедов сознательно травестирует содержание обличительных монологов Чацкого «А судьи кто?» и «Французик из Бордо», вводя в них наряду с безусловно высокими и трагическими темами крепостного права и национальной культуры мотивы мужской и женской моды в одежде. Комизм этих мотивов в самих монологах «подсвечивается» полемическим отношением Чацкого к определяющему эти моды женскому восхищенному восприятию в целом, а в контексте комедии — давно замеченными в грибоедоведении аналогичными филиппиками в адрес женских мод и гвардейских мундиров со стороны Фамусова и Скалозуба. Возмущение Чацкого, вызванное усиливающейся регламентацией и «очиновлением» русского образованного общества, в результате сводится Грибоедовым к дискуссии о более модном покрое мундира; призыв протагониста к возрождению национальной культуры — к смене фрака и бритого лица допетровской «величавой одеждой» [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 96] и бородой. Таким образом, Грибоедов иронизирует над нетерпимостью Чацкого к мнению других людей точно так же, как Вольтер иронизировал над нетерпимостью теологов к мнению оппонентов: низводя идеи к их материальному воплощению, или, наоборот, выхолащивая из вещи — будь то военный мундир, бальная или монашеская одежда — ее символическое значение.

Если учесть, что в приведенном письме Грибоедова к Катенину содержится реминисценция вольтеровского мотива пропорции при определении умного человека, то станет яснее мнение драматурга об уме Чацкого. Скорее всего, по мысли Грибоедова, из двадцати человек, «зачитывающихся романами» [Вольтер, 1988, с. 114], Чацкий является тем одиночкой, который лишь «штудирует философию» [Там же], но отнюдь не к тем, «кто мыслит» [Там же], то есть декларирующим толерантность философам, типа Локка.

4. Заключение = Conclusions

Из вышесказанного следует, что Грибоедов критикует художественными средствами руссоистский склад ума Чацкого, за его субъективную ограниченность, незнание реальных людей и жизненных обстоятельств, агрессивность, опасную для общества («горе» в финале комедии испытывает не только Чацкий), своего рода юношеский максимализм, короче говоря, за нетерпимость к чужому мнению. Аналогичную точку зрения высказывал М. М. Бахтин, характеризуя образ Чацкого: «Он <Чацкий> всюду хочет быть первым. Даже в разговоре ищет первенства, равно спорить, равно разговаривать он не хочет. Чацкий — верхогляд и идеалист, который не может войти в чужую психологию и предъявляет ко всем невозможные требования. Это отсутствие живого, реального подхода к людям обрека-

ет его на безнадежность. Если бы они его послушались, то должны были бы сами упразднить себя. Они чувствуют, что Чацкий их не любит, о них не заботится. В его словах холодность, отсутствие такта, живого восприятия жизни. Отсюда никто его не слушал, никто не понимал. Его борьба с московским обществом — глас вопиющего в пустыне» [Бахтин, 2000, с. 416]. Грибоедову как человеку, как дипломату и государственному мужу был ближе, скорее, идеал человеческого ума, столь красноречиво и подробно описанный Локком и популяризированный Вольтером. Поэтому также вряд ли следует искать противовес уму Чацкого в уме Фамусова или Молчалина. Эти герои, как истовые представители фамусовского общества, в основе которого лежит «человеческое оподление» [Лебедев, 2013, с. 5], также нетерпимы, но они еще и злобны и низки. Можно вспомнить шитые белыми нитками издевательства Фамусова над Чацким (*Другий хоть притче будь, надутый всяким чванством / Пуская себе разумником слыви / А в семью не включают* [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 46]) и ехидные насмешки «тишайшего» Молчалина (д. III, явл. III). Фамусовское общество еще более далеко от идеалов европейского либерализма. К нему относится саркастическая грибоедовская характеристика: «поврежденный класс полевропейцев» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 277].

Катастрофическая развязка комедии отражает пессимистические воззрения драматурга на интеллектуальное развитие российского образованного общества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Вольтер Ф. М. А.* Философские сочинения / Ф. М. А. Вольтер ; Пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн ; Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. Н. Кузнецов. — Москва : Наука, 1988. — 750 с. — ISBN 5-02-008001-2.
2. *Гончаров И. А.* «Милльон терзаний» / И. А. Гончаров // И. А. Гончаров-критик / Вступит. статья и коммент. ест. А. Краснощековой. — Москва : Сов. Россия, 1981. — С. 58—89.
3. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений : в 3 т. / А. С. Грибоедов ; Редкол. : С. А. Фомичев (гл. ред.) и др. — Санкт-Петербург : Нотабене, 1995—2006. — ISBN 5-87170-043-8.
4. *Локк Д.* Сочинения : в 3 т. / Д. Локк ; ред. и примеч. : И. С. Нарский, А. Л. Субботин ; пер. с англ. А. Н. Савина. — Москва : Мысль, 1985—1988.
5. *Пушкин А. С.* [Письмо А. А. Бестужеву. янв. 1825 г.] / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10-ти т. — Москва : Правда, 1981. — Т. 9. — С. 163—164.

6. Руссо Ж-Ж. Избранные сочинения : в 3 т. / Жан-Жак Руссо ; пер. с фр. / Сост. и авт. вступ. статьи И. Е. Верцман. — Москва : Гослитиздат, 1961. — 23 см.

Литература

1. *Аблогина Е. В.* Концепт ум в творчестве А. С. Грибоедова и его англоязычная переводческая рецепция : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Аблогина. — Томск, 2011. — 205 с.

2. *Бахтин М. М.* [Грибоедов] / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Русское слово, 2000. — Т. 2. — С. 416—418. — ISBN 5-89216-010-6.

3. *Данелиа С. И.* О философии Грибоедова / С. И. Данелиа. — 2-е изд. — Тбилиси : Издание Пантеона писателей Грузии, 1940. — 70 с.

4. *Задворный В. Л.* История францисканского ордена [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://krotov.info/libr_min/08_z/zad/vornu_1.htm (дата обращения 24.03.2025).

5. *Ильёв С. П.* «Ум» и «горе» в комедии Грибоедова / С. П. Ильёв // Проблемы творчества А. С. Грибоедова / Отв. ред. С. А. Фомичев. — Смоленск : ТРАСТ — ИМАКОМ, 1994. — С. 50—56.

6. *Кошелев В. А.* Грибоедов в «предлагаемых обстоятельствах» / В. А. Кошелев. — Санкт-Петербург : ООО «Издательство “Росток”», 2020. — 336 с. — ISBN 978-5-94668-316-6.

7. *Лебедев Ю. В.* Самонадеянный ум и самовлюбленное сердце в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» / Ю. В. Лебедев // Литература в школе. — 2013. — № 9. — С. 2—7.

8. *Медведева И. Н.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова / И. Н. Медведева. — 2-е изд. — Москва : Художественная литература, 1974. — 109 с.

9. *Мелихов А. М.* Между цинизмом и безответственностью / А. М. Мелихов // Вольтер : pro et contra : личность и идеи Вольтера в оценке русских мыслителей и исследователей : антология ; сост., вступ. ст., коммент. А. А. Златопольской. — Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2013. — С. 709—730. — ISBN 978-5-88812-522-9.

10. *Моторин Л. В.* Эволюция художественного миропонимания в творчестве А. С. Грибоедова / Л. В. Моторин // Русская литература. — 1993 — № 1 — С. 21—37.

11. *Мулен Л.* Повседневная жизнь средневековых монахов западной Европы X—XV века / Л. Мулен ; пер. с фр. Т. А. Чесноковой. — Москва ; Классик : Молодая гвардия, 2002. — 346 с.

12. *Нечаев А. В.* Фантомность глупости или А. С. Грибоедов как зеркало новой реальности / А. В. Нечаев // Социальные явления. — 2016. — № 3 (6). — С. 32—50.

13. *Рассел Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней : в 3 кн. : перевод с английского / Б. Рассел ; науч. ред. В. В. Целищев. — 2-е изд., испр. — Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. — 814 с. — ISBN 5-7615-0436-7.

14. *Строганов М. В.* Об идейном составе «Горя от ума» / М. В. Строганов // Проблемы творчества А. С. Грибоедова / РАН. Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис. ; Отв. ред. С. А. Фомичев. — Смоленск : ТРАСТ — ИМАКОМ, 1994. — С. 56—70.

15. *Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» / Ю. Н. Тынянов // Пушкин и его современники. — Москва : Наука, 1969. — С. 347—379.

16. *Фуксон Л. Ю.* Еще раз о смысле названия «Горя от ума» / Л. Ю. Фуксон // Сибирский филологический журнал. — 2003. — № 1. — С. 10—17.

17. Штайн К. Э. Повседневное и элитарное мышление : о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» в современном социокультурном пространстве / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко // Русистика без границ. — 2018. — № 1. — С. 29—40.

18. Clayton J. Douglas. «This folly to bowies» : The semantics of um — ii Griboedow's 'Gore ot uma' / Clayton, J. Douglas // Acta Universitatis Stockholm Studies in Russian Literature, 23. Text and context / Essays to honor Nils Ake Nilson, Stockholm. — 1987. — Pp. 7—15.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025,
одобрена после рецензирования 01.06.2025,
подготовлена к публикации 20.06.2025.

Material resources

- Goncharov, I. A. (1981). “A Million torments”. In: *I. A. Goncharov-critic*. Moscow: Sov. Russia. 58—89. (In Russ.).
- Griboyedov, A. S. (1995—2006). *Complete works: in 3 volumes*. St. Petersburg: Notabene. ISBN 5-87170-043-8. (In Russ.).
- Locke, D. (1985—1988). *Essays: in 3 volumes*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1981). [Letter to A. A. Bestuzhev. Jan. 1825]. In: *Collected works: in 10 volumes, 9*. Moscow: Pravda. 163—164. (In Russ.).
- Rousseau, J-J. (1961). *Selected works: in 3 volumes*. Moscow: Goslitizdat. 23 cm. (In Russ.).
- Voltaire, F. M. A. (1988). *Philosophical writings*. Moscow: Nauka Publ. 750 p. ISBN 5-02-008001-2. (In Russ.).

References

- Ablogina, E. V. (2011). *The concept of mind in the works of A. S. Griboyedov and his English-language translation reception*. PhD Diss. Tomsk. 205 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2000). [Griboyedov]. In: *Collected works: in 7 volumes, 2*. Moscow: Russian Word. 416—418. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).
- Clayton, J. D. (1987). «This folly to bowies»: The semantics of um — ii Griboedow's 'Gore ot uma'. *Acta Universitatis Stockholm Studies in Russian Literature, 23. Text and context / Essays to honor Nils Ake Nilson, Stockholm*. 7—15.
- Danelia, S. I. (1940). *On the philosophy of Griboyedov. 2nd ed*. Tbilisi: Edition of the Pantheon of Writers of Georgia. 70 p. (In Russ.).
- Fuchson, L. Y. (2003). Once again about the meaning of the name “Woe from wit”. *Siberian Philological Journal, 1*: 10—17. (In Russ.).
- Ilyev, S. P. (1994). “Mind” and “grief” in Griboyedov's comedy. In: *Problems of creativity of A. S. Griboyedov*. Smolensk: TRUST — IMAKOM. 50—56. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. (2020). *Griboyedov in the “proposed circumstances”*. Saint Petersburg: Rostock Publishing House. 336 p. ISBN 978-5-94668-316-6. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (2013). The arrogant mind and the narcissistic heart in A. S. Griboyedov's comedy “Woe from Wit”. *Literature at school, 9*: 2—7. (In Russ.).
- Medvedeva, I. N. (1974). *“Woe from wit” by A. S. Griboyedov. 2nd ed*. Moscow: Fiction. 109 p. (In Russ.).
- Melikhov, A. M. (2013). Between cynicism and irresponsibility. In: *Voltaire: pro et contra: Voltaire's personality and ideas in the assessment of Russian thinkers and researchers: an anthology*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy. 709—730. ISBN 978-5-88812-522-9. (In Russ.).

- Motorin, L. V. (1993). The evolution of artistic worldview in the work of A.S. Griboyedov. *Russian literature, 1*: 21—37. (In Russ.).
- Moulin, L. (2002). *The daily life of medieval monks of Western Europe of the X—XV century*. Moscow; Classic: Molodaya Gvardiya. 346 p. (In Russ.).
- Nechaev, A. V. (2016). The phantom of stupidity or A. S. Griboyedov as a mirror of a new reality. *Social phenomena, 3* (6): 32—50. (In Russ.).
- Russell, B. (1997). *The history of Western philosophy and its connection with political and social conditions from antiquity to the present day: in 3 books*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University. 814 S. ISBN 5-7615-0436-7. (In Russ.).
- Stein, K. E., Petrenko, D. I. (2018). Everyday and elite thinking: about A. S. Griboyedov's comedy “Woe from Wit” in the modern socio-cultural space. *Russian studies without borders, 1*: 29—40. (In Russ.).
- Stroganov, M. V. (1994). On the ideological composition of “Woe from wit”. In: *Problems of creativity of A. S. Griboyedov*. Smolensk: TRUST — IMAKOM. 56—70. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1969). The plot of “Woe from wit”. In: *Pushkin and his contemporaries*. Moscow: Nauka. 347—379. (In Russ.).
- Zadvorny, V. L. *The history of the Franciscan Order*. Available at: http://krotov.info/libr_min/08_z/zad/vornyy_1.htm (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

*The article was submitted 31.03.2025;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 20.06.2025.*